

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «DIARY»

Е. И. Калинина

STRATEGIES IN MODELING DIARY AS A SPEECH GENRE

E. I. Kalinina

Данная статья посвящена выявлению основных стратегических линий авторов личных дневников. Рассмотрение процесса ведения дневника с точки зрения теории элементарных смысловых единиц позволяет определить интенции субъектов речевой деятельности, которые обуславливают выбор стратегий коммуникативного поведения.

The article deals with strategies used by diarists to achieve their main communicative purpose. Analyzing a diary within the theory of semantic primitives allows us to reveal diarists' intentions which determine the choice of strategies.

Ключевые слова: личный дневник, речевой жанр, коммуникативная цель, коммуникативные стратегии, теория элементарных смысловых единиц.

Keywords: personal diary, speech genre, communicative purpose, communicative strategies, theory of semantic primitives.

Личный дневник, характеризующийся автокоммуникативной направленностью и интимностью, является базовой жанровой разновидностью дневникового дискурса, послужившей опорой для развития других жанров, также именуемых в настоящее время дневниками. Появление личных дневников как социокультурного феномена обычно связывают с возникновением интереса к личности человека. Стремление к самопознанию заставляет людей начинать дневниковую деятельность, хотя не все авторы признают наличие этого мотива, что не является показателем его отсутствия. Так, по мнению О. С. Иссерс, мотивы далеко не всегда осознаются субъектами коммуникации, а мотивировка, приводимая ими, часто не совпадает с реальной [3, с. 57]. Если мы попробуем взглянуть на начало ведения дневников с точки зрения теории элементарных смысловых единиц, предложенной для описания речевых жанров А. Вежбицкой [2, 68 – 80], то мы получим следующую ментальную формулу: *пишу, потому что хочу писать*.

Для начала ведения дневника достаточно просто позвать к письму, к изложению событий своей жизни и своих мыслей на бумаге. Начало дневниковой деятельности не продиктовано никакими внешними обязательствами, субъект либо хочет, либо не хочет писать, и уже на уровне мотивации деятельности проявляется та самая свобода жанра, наличие которой постулируют учёные-философы, занимающиеся изучением личных дневников [6, с. 104; 5, с. 64].

Любая деятельность, в том числе и речевая, совершаемая человеком, подразумевает наличие желания или потребности изменить существующую вокруг реципиента речи действительность. Поскольку интимный дневник является жанром автокоммуникативным, то реципиентом является сам субъект речи, а изменения, которые могут произойти в результате осуществления данной коммуникативной деятельности, обычно затрагивают его эмоциональную сферу. Дневниковая деятельность всегда продиктована событиями извне, характер которых и влияет на желание начать вести дневник. Ролан Барт, рассказывая о своём единственном продолжительном опыте обращения

к личному дневнику, упоминает тяжело протекавшую в то время болезнь его матери [1, с. 249]. Таким образом, дневник как речевой жанр оказывается типологически близким к жанрам исповеди и разговора по душам с присущей им интенцией «выговориться» и получить психологический выигрыш. Артур Понсонби, британский исследователь личных дневников, говорит об утешении как результате ведения дневника, сравнивая этот эмоциональный эффект с ощущениями после молитвы [8, с. 8]. Важной представляется мысль исследователя о полезности дневников, о которой говорят и сами авторы: *a type of therapy; it just helps to clear and relax the mind; it helps me feel better if I am angry, sad, etc; its a good way to get out emotions* (здесь и далее в качестве иллюстративного материала приведены цитаты из рассуждений респондентов о личных дневниках на сайте <http://uk.answers.yahoo.com/>, всего было проанализировано более 100 высказываний).

Таким образом, мы приходим к выводу, что одной из целей ведения дневника является достижение психологического комфорта, однако эта цель не является главенствующей в комплексе целей, присущей анализируемому речевому жанру, поскольку субъект чувствует эмоциональное облегчение после осуществления записей только определённого типа. В то же время наличие этой интенции помогает продолжить составление сценария ведения дневника в свете теории элементарных смысловых единиц:

пишу, потому что хочу писать;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Психологический выигрыш автора личного дневника состоит в снятии эмоционального напряжения, соответственно, одной из стратегий будет являться стратегия достижения эмоционального комфорта. Следует отметить, что наличие стратегий у авторов дневников объясняется долговременным характером коммуникации, дневником не является одна запись, соответственно, и результат, который сознательно или подсознательно желают получить авторы, не является сиюминутным. Достижение результата становится возможным только в масштабах всего текста.

Отношение к дневнику как к психотерапевтической процедуре свойственно не только авторам как носителям бытовой философии коммуникации, но и исследователям, в первую очередь, психологам [7, с. 338 – 346]. Среди авторов дневников можно встретить немало подростков (*I was 14 when I wrote my first; I have some journals tucked away from when i was a teen*), которым необходим поиск путей дальнейшего развития жизни, а также нравственных и духовных идеалов и мировоззренческих установок. Сталкиваясь с проблемами в реальной жизни, личности необходимо разобраться в себе, определить свою роль в социальной среде, утвердить себя. Для того чтобы начать разговор о себе и о значимых для себя проблемах, вопросах и темах, необходим соответствующий настрой. Авторы личных дневников обычно считают свои тексты привлекательными для прочтения своими родственниками и знакомыми, что в итоге выражается в наличии страха и тревоги из-за возможного обнаружения и прочтения их дневников. Стратегия достижения эмоционального комфорта призвана максимально снизить напряжение, которое может возникнуть у автора, и создать наиболее благоприятные коммуникативные условия. К подобным условиям можно отнести использование языкового кода, который призван обеспечить сохранность информации (здесь и далее анализируемые примеры приводятся по тексту дневника Рейфа Нёвилля).

(1) Captin P said he understood I showed great attention to one or two of the female portion of the party, I am afraid my conscience tells me who one of them was, a passing fancy.

Капитан П. сказал, что заметил, как я уделял много внимания двум представительницам женского пола на вечеринке, боюсь, что моё сознание говорит мне, кем была одна из них, мимолётное увлечение.

Так, говоря о девушке, к которой он испытывает сильную симпатию, Рейф избегает называния её имени. Это единственный человек, чьё описание в дневнике всегда обходится без упоминания имени или инициалов. Очевидным в таком случае кажется как наличие чувств к этой девушке, так и желание не выдать себя (авторы дневников всегда допускают возможность, часто для них нежелательную, прочтения своих текстов третьими лицами). Сам Рейф знает, что именно ему говорит сознание, но не считает нужным фиксировать эти сведения.

(2) I cannot here put down the reason for it, but my life is a misery to me.

Я не могу здесь обозначить причину этого, но моя жизнь для меня – страдание.

Создание комфортных для общения с собой психологических условий включает тактику умолчания, сокрытия некоторой информации (*I cannot here put down the reason for it*).

Поскольку осуществление самопознания возможно только в процессе общения, то автору дневника приходится искусственно конструировать коммуникативную среду, выстраивая диалог с самим собой. На исполнение этой задачи направлена диалогическая стратегия, которая в рамках речевого жанра личного дневника может быть названа псевдиалогической.

(3) I now write a few lines to say that Isabel was yesterday taken with the measles which today have “come out beautiful” to use a household expression for her face is one mass of red blotches and she is very sick, but Dr Dansey says she is progressing favourably.

Я сейчас пишу несколько строк, чтобы сказать о Изабелл, которая вчера заболела корью, а сегодня «проснулась красавицей», выражаясь нашим домашним языком для описания её лица, представляющего собой массу красных пятен, она очень больна, но доктор Дэнси говорит, что она поправляется.

Диалогичность в рамках данного речевого жанра может проявляться в толковании информации, хорошо знакомой автору и незнакомой читателю. Рейф объясняет значение выражения (“*come out beautiful*”), рассказывая как о том, кем оно употребляется (*household expression*), так и о том, для чего. В момент осуществления записи фраза “*come out beautiful*” понятна для автора, он знает и о предпосылках её появления в домашнем обиходе (болезнь сестры). Личный дневник же предполагает отсроченное во времени общение с самим собой, пояснения в таком случае делают текст понятным для автора в будущем.

Потребность в разговоре, желание высказаться довольно явно ощущается авторами, отсутствие же в их жизни человека, которому они могли бы довериться, побуждает их к письму (*if something is bothering you and you can't speak to someone about it then its good to see it on paper and write down your feelings*). Этот факт также необходимо отразить при моделировании речевого жанра:

пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Начиная вести личный дневник, автор определяет сам для себя, о чём и как он будет писать, то есть осуществляет выбор нарративной стратегии (стратегии создания текста). В любом дневнике автором осуществляется активное осмысление и обработка информации, появляющейся в результате взаимодействия с окружающим миром. Дневник помогает обработать этот непрерывный поток информации наиболее удобным для себя способом.

(4) Went this evening to Cremorne gardens, not a bad place for fun, but expensive. Plenty of women, and bad drink.

Был этим вечером в Креморнских садах, неплохое место, чтоб повеселиться, но дорогое. Много женщин и плохая выпивка.

Акцентируя внимание только на важных для себя моментах (женщины, выпивка, веселье), Рейф не вдаётся в подробное описание места. Отрывочность и фрагментарность изложения облегчают восприятие информации. В сферу интересов автора входят именно перечисленные им вещи, и эта информация может оказаться ему полезной в будущем (например, сообщение о дороговизне места).

Нарративная стратегия предполагает выбор стиля повествования, содержания записей и набора субжанров, используемых для изложения информации, а также тяготение к определённым типам речи. Набор субжанров, появляющихся на страницах дневника,

довольно разнообразен. В дневнике Нёвилля нередко можно столкнуться с жалобой:

(5) I have to live in such a miserable manner, I owe some £20 or so & how the devil I am to pay it I don't know, I have given up the sitting room at Blomfield St, I have kept the bedroom at 8/- a week as the first economic step; in spite of being so often told at home that my pay &c ought to keep me well I don't find it any such case, as tho' I have not been at all extravagant, I am so hard up that I have no money, not a sound boot to my foot, & clothes becoming very shabby – I suppose things will right themselves eventually, but, it is beastly unpleasant now.

Мне приходится жить так убого, я должен около 20 фунтов, и я не знаю, как, чёрт возьми, я их верну, я отказался от гостиной на улице Бломфилд, я живу в спальне на 8/- неделю в целях экономии, несмотря на то что мне так часто дома говорят, что моих денег должно хватать на хорошую жизнь, я не вижу, как это можно устроить, ведь хотя я совсем не был расточительным, я очень стеснён в средствах, у меня нет приличной обуви, одежда уже изнашивается – полагаю, всё само образуется в итоге, но сейчас это чертовски неприятно.

Говоря о том, что плохого происходит в его жизни, субъект речи предстаёт несчастным человеком, находящемся в подавленном состоянии, и надеется на сочувствие. Рейфу не приходится надеяться на сочувствие со стороны членов своей семьи, которые не видят его проблем с деньгами (*being so often told at home that my pay &c ought to keep me well*), поэтому он находит утешение в дневнике, рассказывая о своих трудностях самому себе. Синтаксическая организация предложения делает его сложным для восприятия, что может свидетельствовать о повышенной эмоциональности в момент написания. Местоимение *I* встречается в приведённом высказывании одиннадцать раз, что позволяет привлечь внимание к тому факту, что всё вышеперечисленное выпало именно на долю автора. Жалоба предполагает восприятие себя как страдальца, то есть человека, не заслужившего трудностей.

Обращение к тем или иным субжанрам, являясь проявлением коммуникативного поведения личности, содержит информацию о субъекте речи и о его эмоциональном состоянии в момент осуществления речевой деятельности. К примеру, представление информации в виде жалобы свидетельствует о постоянном подавленном состоянии Нёвилля, о недостатке внимания и понимания к нему со стороны окружающих, характеризует его как человека, неспособного решать свои проблемы.

Личный дневник как эго-текст центрирован вокруг субъекта, поэтому вся информация, представленная в дневнике, непосредственно связана с жизнью самого автора: если он жалуется, то на свои проблемы, если осуждает, то людей, его окружающих, и т. д. Модель речевого жанра, таким образом, дополняется ещё одной формулой:

пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

пишу о том, что происходит в моей жизни;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Личный дневник предполагает регулярное обращение к записям на протяжении долгого периода времени (*I'm going to keep my journals forever*), что может оказывать влияние на модификацию целей и мотивов автора, таким образом, текст, существующий в контексте личности автора, изменяется вместе с ним. Дневники известных людей привлекают внимание аудитории, поскольку по ним можно узнать не только о подробностях жизни интересной исторической личности, но и проследить процесс её становления. Ещё одна цель, выделяемая самими авторами дневников, связана с запоминанием той или иной важной информации (*it helps me to remember the different problems I went through; I want to be able to remember certain moments*).

Важным представляется следующий момент: авторов, возвращающихся к чтению своих записей, интересуют не столько события, происходившие в их жизни в описываемый период времени, сколько то, какими они были, и те изменения, которые произошли с тех пор в них самих. Следовательно, рассказывая о чём-то, авторы тем самым готовят своё восприятие себя, конструируют Я-образ для себя же, но для себя не настоящего, а будущего. Доказательством наличия Я-образа как продукта дневниковой деятельности служат слова самих субъектов этой деятельности (*I can read them and remember what I was like when I was younger; later look back and see how you've changed.....and how you're the same*).

Пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

пишу о том, что происходит в моей жизни;

думаю, что мне станет от этого лучше;

думаю, что в будущем захочу узнать, каким я был.

Таким образом, метаинтенцией дневниковых текстов можно считать осмысление себя, результатом которого является конструирование своего Я-образа. А. Понсонби называет это «a detached point of view of himself» [8, с. 7]. Каждая из оставляемых записей в личном дневнике вносит свой вклад в целостное восприятие автора. Создание Я-образа как цель проявляется на каждой странице дневника. Чтобы в конечном итоге получить образ себя, его надо создать, репрезентировав себя в дневнике. Макростратегией, обеспечивающей реализацию главной цели дневниковой деятельности, в таком случае выступает стратегия самопрезентации. О чём бы субъект ни рассказывал, какие бы события ни упоминал, какие бы языковые единицы ни использовал, всё это, в первую очередь, характеризует его самого, он предстаёт перед читателем (которым может являться и сам) в различных ипостасях, акцентируя внимание на тех или иных чертах своей личности.

Совокупность вышеперечисленных стратегий (диалогическая, нарративная, достижение эмоционального комфорта) делает возможным осуществление самопрезентации, в результате чего происходит формирование Я-образа. Таким образом, мы рассматриваем полиинтенциональный речевой жанр личный дневник в русле современной прагматингвистической парадигмы, о которой говорит В. И. Карасик, рассуж-

дая о человеке в аспекте его коммуникативного поведения [4, с. 45]. Дневник является коммуникативной деятельностью, обладающей своими мотивами, целями, стратегиями и способами их реализации. Каждая из коммуникативных стратегий соответствует одной из интенций автора дневника, которые отражены в сценарии речевого жанра, рассмотренном в категориях семантических примитивов:

*пишу, потому что хочу;
пишу о том, что происходит в моей жизни;
пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;
думаю, что мне станет от этого лучше;
думаю, что в будущем захочу узнать, каким я был.*

Литература

1. Барт, Р. Дневник / Р. Барт // Ролан Барт о Ролане Барте. – М.: Сталкер, 2002.
2. Вержбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вержбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Лелягин, Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра / Л. Н. Лелягин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена – 2008. – № 10 (56).
6. Пигров, К. С. Скриптизация авось-бытия, или Апология интимного дневника / К. С. Пигров // Философские науки. – 2008. – № 8.
7. Рейнуотер, Д. Ведение дневника / Д. Рейнуотер // Психология человеческих проблем: хрестоматия / сост. К. В. Сельчонок. – Минск: Харвест, 1998.
8. Ponsonby, Athur. English diaries: a review of English diaries from the sixteenth to the twentieth century with an introduction on diary writing / A. Ponsonby. – Methuen, 1923. – 447 p.

Информация об авторе:

Калинина Екатерина Игоревна – аспирант кафедры французского языка и методики преподавания Кузбасской государственной педагогической академии, 8-906-932-7790, iv.moro@mail.ru.
Ekaterina I. Kalinina – post-graduate student at Kuzbass State Pedagogical Academy.